

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-91-110

© Т. Г. Иванова

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПЕСНЯХ XVIII ВЕКА О СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

Одним из важнейших факторов формирования исторических песен XVIII века можно считать появление нового социального слоя, созданного Петром I, — солдат. Крепостные крестьяне, вырванные из родных деревень, отторгнутые от земледельческого труда, живущие за счет государства, солдаты участвовали в многочисленных походах, оказываясь в городах и крепостях, дотоле неизвестных не только народному сознанию, но и образованному русскому обществу. Солдатчина, при всех ее тяготах, расширяла пространственный кругозор сотен тысяч неграмотных русских мужиков. Солдатская среда явилась тем социальным слоем, который взял на себя функцию отражения в песне побед русского оружия. Подчеркнем: если в XVII веке историческая мысль в песенной форме оформлялась в значительной части казацкой вольницей — самым мобильным слоем русского общества (Азовские походы, Разинское восстание), то в XVIII столетии именно солдаты играли главную роль в создании историко-песенного фольклора.

В песнях XVIII века одной из главных составляющих, без сомнения, стала хроникальная. Исторические песни формировались как песни-хроники, запечатлевающие военные события. Одновременно в песнях явно прочитывается функция освоения нового географического пространства, которым прирастала Российская империя.

При этом создаваемые солдатами песни нередко ориентировались на новые литературные формы. Так, в песнях появляется рифма, не свойственная русской народной поэзии. Тем не менее песни продолжали опираться на предшествующую традицию.

Предметом данной статьи являются исторические песни Северной войны 1700–1721 годов — одного из самых значительных событий времен Петра I, решавшего стратегическую задачу выхода России к Балтийскому морю. В Северную войну, в которой шла борьба за прибалтийские земли и господство на Балтийском море, были вовлечены многие государства. Заявлявшей о своем приоритете Швеции противостояли Саксония, Датско-Норвежское королевство, Речь Посполитая и Россия. На разных этапах войны эти государства выступали в коалиции или же на какое-то время, как Россия, оставались в одиночестве.

Россия объявила войну Швеции 19 августа 1700 года. Уже 19 ноября русские войска, направившиеся к Нарве, потерпели сокрушительное поражение. 25 июня 1701 года была отбита атака шведских кораблей на Архангельск — единственный морской порт России. 29 декабря 1701 года состоялась битва при Эрестфёре (местечко в 35 верстах от Дерпта, ныне Тарту). Это была первая победа русских над шведами, которую обеспечил петровский полководец Б. П. Шереметев. 18 июля 1702 года Шереметев одержал победу над шведским корпусом генерала Шлиппенбаха у мызы Гуммельсгоф на реке Эмбах (Омовже) в Шведской Ливонии. 27 сентября — 11 октября 1702 года еще одна русская победа, на этот раз громкая, — осада и взятие шведской крепости Нотебург (Орешек, Шлиссельбург). Весной 1703 года перед русским оружием пал Ниеншанц (крепость при впадении реки Охты в Неву, ныне территория Санкт-Петербурга), в результате чего вся Нева оказалась во власти России. 16 (27) мая 1703 года был заложен Санкт-Петербург — будущая столица России. 8 мая 1703 года было взято Копорье, а следом Ям. К концу 1703 года русские войска контролировали

уже всю территорию Ингерманландии. Летом 1704 года царским войскам сдались Дерпт, а затем и Нарва.

С лета 1701 года шведский король Карл XII (1682–1718; король с 1697 года) находился в пределах Речи Посполитой. Он выступил против Августа II Сильного (1670–1733; курфюрст Саксонии с 1694 года, король Речи Посполитой с 1697 по 1704 год, а затем с 1709 года до своей кончины), союзника Петра I. Швеции удалось низложить с польского престола Августа II и поставить своего ставленника — Станислава Лещинского (1677–1766; польский король в 1704–1709 и 1733–1734 годах). Карл XII получил возможность беспрепятственного передвижения по территории нынешних Белоруссии и Украины.

После успешных действий в Ингерманландии и Прибалтике русские войска начали активные военные операции на землях современных Польши, Украины и Белоруссии. 18 октября 1706 года состоялась битва при Калише (Польша), в которой войска А. Д. Меншикова одержали победу над шведами. Однако 3 июля 1708 года армия А. И. Репнина потерпела поражение при Головчине. Тогда же летом шведы попытались захватить Санкт-Петербург. 29 августа войска Георга Либекера подошли к Неве у реки Тосна, но были отбиты Ф. М. Апраксиным. Не сумели шведы овладеть и островом Котлин, на котором строился Кронштадт.

28 сентября 1708 года состоялось сражение при дер. Лесной (ныне Славгородский район Могилевской области в Белоруссии), где под командованием самого Петра I и Меншикова была одержана решительная победа над шведским корпусом Левенгаупта. Царь назвал эту битву «матерью Полтавской баталии».

В октябре 1708 года гетман Мазепа, глава запорожских казаков, изменил России и перекинулся к Карлу XII. Однако не все запорожцы поддержали Мазепу. В ноябре в Глухове Рада избрала нового гетмана — стародубского полковника И. И. Скоропадского. Наконец, 27 июня 1709 года состоялась знаменитая Полтавская битва, завершившаяся полным разгромом шведской армии. Карл XII вместе с Мазепой бежал к османам в Очаков — турецкую крепость на берегу Черного моря. Остатки его армии 30 июня во главе с Левенгауптом капитулировали перед Меншиковым.

Однако Северная война продолжалась. В 1710 году Шереметев в Прибалтике взял Ригу и Ревель. В результате Россией были завоеваны Эстляндия и Лифляндия. В том же году в июне Апраксин вошел в Выборг, а Р. В. Брюс осенью в Кексгольм, т. е. под власть Петра I оказалась восточная Финляндия.

В 1713 году продолжилось продвижение русской армии в Финляндию. 10 мая благодаря успешным действиям русского флота были захвачены Гельсингфорс (ныне Хельсинки), а затем Апраксиным были взяты Порвоо и столица Финляндии Або (ныне Турку). 26–27 июля 1714 года состоялось морское сражение при Гангуте (полуостров Ханко — северное побережье Финского залива на юго-западной оконечности Финляндии). Это была первая морская победа русского флота.

10 сентября (30 августа) 1721 года был заключен мирный договор России со Швецией — в г. Ништадте (Нюстаде, ныне финский г. Уусикалаупунки; на восточной стороне Ботнического залива). За Россией остались Приневские земли (Санкт-Петербург, Кронштадт, Шлиссельбург), Эстляндия (Ревель, Нарва, Дерпт), Лифляндия (Рига), вся Ингерманландия (Ижорская земля), острова Эзель и Даго; Курляндия оказалась фактически под ее протекторатом. Задача выхода России в Балтийское море была решена. 22 октября 1721 года Россия была провозглашена империей, а Петр I императором.¹

Мы позволили себе напомнить основные вехи военных действий в период Северной войны для того, чтобы четче осознавать, что русские исторические песни сохранили воспоминания отнюдь не обо всех событиях. К плотному клубку сражений песня отнеслась весьма избирательно. Что вполне ожидаемо, в историко-песенном фольклоре не нашло место поражение под Нарвой (1700). Однако и не все громкие победы запечатлелись в устно-поэтической традиции. Так, ни сражение при Лесной, ни Гангутская

¹ О Северной войне см.: Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. СПб., 1908. Т. 1. 1695–1800 гг. С. 4–39. Все даты приведены по старому стилю.

морская битва отражение в исторической песне не получили. Во всяком случае песни об этих событиях до времени начала фольклорно-собираательской работы не дожили.

В академической антологии «Исторические песни XVIII века»² Северная война представлена 18 сюжетами (ИП XVIII, № 51–91, 105–112). Микроцикл «Песни о И. М. Краснощекове» (ИП XVIII, № 92–104) мы относим к Русско-шведской войне 1741–1743 годов. Мы не ставим себе задачу полнообъемного и всестороннего анализа песен о Северной войне,³ но сосредоточимся исключительно на проблеме освещения песенным фольклором исторического пространства, т. е. рассмотрим, как в данном песенном цикле реализуется функция освоения пространства.

1. Россия и Швеция. Рассмотрим названные топонимы на материале всех песен петровского времени, выходя за рамки цикла песен о Северной войне. Россия и Швеция, естественно, в песенном фольклоре в соответствии с геополитической ситуацией своего времени противопоставляются, что отражается и на метафорическом уровне. В одном из вариантов сюжета «Шведский король предчувствует поражение» король обращается к своим подданным:

Поглядите вы, ребята, на свою сторонку!
Вот на нашей на сторонке всё темно и чёрно:
У нас только, братцы, чёрно — жить младцам невольно.
Поглядите ж вы, ребята, в русскую сторонку!
Уж как там ли, во *России*, ясно всё и красно,
Ясно всё и красно — жить младцам прекрасно

(ИП XVIII, № 56, ст. 6–11;

курсив здесь и далее мой. — Т. И.).

Основной формой имени нашей страны в XVIII веке на официальном уровне стал топоним *Россия*, закреплявшийся в фольклорной традиции еще в XVII веке. В сюжете «Князь Шереметьев⁴ допрашивает шведского майора» (ИП XVIII, № 70–80) о планах шведского короля говорится: «Хотел двинуться в *Россию*» (ИП XVIII, № 78, ст. 6). Топоним *Россия* в песнях сопоставляется с именем Москвы, которая на протяжении XIV–XVII столетий для государства была главным городом. Фельдмаршалы у постели умирающего императора вопрошают: «Кому из нас владеть *каменной Москвой*, / *Каменной Москвой*, *всей Россиею*?» (ИП XVIII, № 260, ст. 23–24).

Как и в традиции предшествующего времени, в песнях имеется форма «Россиюшка / Рассеюшка»: «Он (шведский король. — Т. И.) хочет качнуться на *Рассеюшку*» (ИП XVIII, № 77, ст. 7). Топоним наделяется давно сложившейся материнской семьей

² Исторические песни XVIII века / Изд. подг. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971. Далее ссылки на данное издание приводятся в статье сокращенно: ИП XVIII, с указанием номера текста и стихов.

³ См. основную литературу: *Лавровский Н.* О Петровских песнях // Филологические записки. Воронеж, 1872. Вып. 1–2. С. 21–24; *Чистов К. В.* Некоторые моменты истории Карелии в русских исторических песнях // Вопросы истории Карелии. Петрозаводск, 1958. С. 67–87 (Тр. Карельского филиала АН СССР; вып. 10); *Соколова В. К.* Русские исторические песни XVI–XVIII вв. М., 1960. С. 205–220 (Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая сер.; т. 61); *Позднеев А. В.* Песня о Полтавской битве // Учен. зап. Московского гос. заочного педагогического института. 1968. Вып. 20. С. 3–24; *Кузьмин А. И.* Военная тема в народных песнях XVIII века // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1968. Т. 27. Вып. 1. С. 18–26; *Джанумов С. А.* 1) Русские исторические песни конца XVII — первой четверти XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. С. 12–13; 2) Отражение военно-исторических событий конца XVII — начала XVIII века в песнях о взятии Азова и Северной войне // Учен. зап. Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. 1971. Т. 289. Рус. лит. Вып. 14. С. 3–17; *Потявина Н. В.* Солдатские исторические песни XVIII века // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1976. Вып. 3. С. 48–68 (Науч. тр. Новосибирского гос. педагогического института; вып. 129), и др.

⁴ При ссылках на издание «Исторические песни XVIII века» вслед за составителями в названиях сюжетов мы используем написание Шереметьев; в своем тексте — Шереметев, что является правильным.

(«Из иной земли, земли шведские, / Во нашу *мать* во *Россиюшку*» — сюжет «Петр I на корабле», ИП XVIII, № 209, ст. 13–14; «Не в *матушке* было в *Россиюшке*, / Не в *матушке* было в каменной Москве» — сюжет «Царевича Алексея хотят казнить», ИП XVIII, № 231, ст. 1–2; см. также вариант сюжета «Солдат оплакивает кончину Петра I», ИП XVIII, № 258, ст. 1–2).

Топоним *Россия* в песенных текстах употребляется в формулах, где делается попытка воспроизвести официальный титул русского царя: «Что ходил-гулял наш батюшко православной царь, / Он, *всяя России*, сам Петр сударь Алексеевич» («Казакки встречаются царя под Шлиссельбургом», ИП XVIII, № 52, ст. 4–5); «Князь *всяя России* Петр Алексеевич» («Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля», ИП XVIII, № 59, ст. 11, 17); «*Всей ли же России*, Петр Алексеевич» («Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля», ИП XVIII, № 60, ст. 5); «Православный *царь всяя России*» («Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля», ИП XVIII, № 61, ст. 13). См. также в сюжетах «Войска Шереметьева разбивают шведские полки» (ИП XVIII, № 68, ст. 84), «Корабельщики бранят князя» (ИП XVIII, № 197, ст. 14; № 199, ст. 21), «Солдат оплакивает кончину Петра I» (ИП XVIII, № 261, ст. 13, 17, 30).

Частотным в песнях становится эпитет «российский»: войска российские (ИП XVIII, № 69, ст. 2, 6), знамена российские (ИП XVIII, № 69, ст. 7) и пр.

Однако песенная традиция упорно сохраняет и старинные именованья страны, иногда сочетая старые и новые топонимы. Зафиксирована, например, формула «государство Российское», соположенная с формулой XVI–XVII веков «царство Московское»: «Среди было *царства Московского*, / Среди *государств(в)а Российского*» («Петр I возвращается из церкви», ИП XVIII, № 212, ст. 1–2; см. также в этом же сюжете № 213, ст. 1–2; № 214, ст. 1–2). См. также: «Да и во том ли во *Московском государстве*» (ИП XVIII, № 67, ст. 21 — сюжет «Шведский король пытается захватить Полтаву»; см. также № 68, ст. 16 — сюжет «Войска Шереметьева разбивают шведские полки»).

Частотным в песнях начала XVIII века остается топоним *Русь*, причем практически всегда в формуле «святая Русь». Следует отметить, что *Россия* и *Русь* в историко-песенном фольклоре Нового времени занимают разные регистры. В топониме *Россия* в первую очередь прочитывается сема официального именованья государства; это имя звучит, как правило, в солдатских песнях-хрониках. *Русь* используется не в песнях-хрониках, отражающих новые тенденции в историко-песенном фольклоре, а в произведениях, где главным становится вымышленный сюжет или выражено лирическое настроение. Так, единственный вариант песни «Петра I узнают в шведском городе» (вымышленный сюжет), заканчивая коллизию погони шведов за русским царем, завершает песню строкой «А наш царь-государь во *святую Русь* возвратился» (ИП XVIII, № 207, ст. 47).

Обращает внимание также то, что формула «святая Русь», как правило, соплагается с формулой «каменная Москва». Тем самым историко-песенный фольклор XVIII века скрепляет свою преемственность с традицией предшествующего времени. Например, песня «Молодец на правее» (вымышленный сюжет) начинается следующим образом: «У нас было, братцы, на *святой Русе*, / На *святой Русе*, в *каменной Москве*» (ИП XVIII, № 227, ст. 1–2). Ту же формулу встречаем в песне «Майор с женой осуждены царем» (вымышленный сюжет): «Как у нас было на *святой Русе*, / В *каменной Москве*, у Ивана Великого» (ИП XVIII, № 267, ст. 1–2). См. также формулу «святая Русь» в сочетании с «каменной Москвой» в одном из вариантов сюжета «Солдаты жаждут на тяготы государевой службы» (ИП XVIII, № 181, ст. 11–12; песня с ярким лирическим началом).

В некоторых вариантах популярного сюжета «Солдат оплакивает кончину Петра I», в котором заложена поэтика лирического жанра (похоронного причитания), кончина императора связана с Москвой: «Как у нас было на *святой Русе*, / На *святой Русе*, в *каменной Москве*» (ИП XVIII, № 243, ст. 1–2; см. также № 247, ст. 4–5; № 250, ст. 6–7; № 251, ст. 1–2; № 252, ст. 1–2; № 253, ст. 1–2; № 255, ст. 1–2; № 256, ст. 1–2). В других вариантах формула «святая Русь» в сюжете «Солдат оплакивает кончину Петра I», отражая действительность (Петр I умер не в Москве, а в Петербурге), сочета-

ется с именем новой столицы России: «Что у нас было на святой Руси, / В Петербурге в славном городе» (ИП XVIII, № 240, ст. 6–7; см. также № 241, ст. 9–10; № 242, ст. 13–15; № 244, ст. 5–6; № 248, ст. 8–9).

Вариантом формулы «святая Русь» является формула «земля Святорусская» (ИП XVIII, № 245, ст. 4 — сюжет «Солдат оплакивает кончину Петра I»). Впрочем, в этом же сюжете мы находим и топоним *Россия*, но или с ласкательно-уменьшительным суффиксом, который усиливает лирическое начало в песне, или с формулой «Россия святорусская». Солдат обращается к покойному императору:

Погляди-ка ты на свою силушку,
На свою мать *Россеюшку!*
Вся *Россеюшка* у нас позамялася

(ИП XVIII, № 245, ст. 25–27).

В другом варианте повествователь обращается к солнышку, которое светит «не по-старому» — «не во всю *Россию* да *святорусскую*» (ИП XVIII, № 242, ст. 7).

Названный лирический регистр топонима *Русь* явственно прочитывается в песнях, где заметное место занимает мотив тоски солдат по родному дому. Солдаты тоскуют не по *России*, а по *Руси*: «А ни вестки, ни грамотки с *Руси* нету» («Князь Шереметьев допрашивает шведского майора», ИП XVIII, № 76, ст. 4); «Нет ни весточки, нет ни грамотки, / С *Руси* нету!» («Молодец тужит о доме», ИП XVIII, № 110, ст. 7–8). В сюжете «Бегство Лещинского» солдаты жалуются на государеву службу:

Зачалася наша служба да бесконечная,
Что на наши на солдатские на головушки,
Что повывела на святой *Руси* добрых молодцев

(ИП XVIII, № 276, ст. 6–8).

Таким образом, повторим еще раз, в песенном языке XVIII века явственно прочитывается тенденция перевода топонима *Русь* исключительно в высокий (и часто лирический) регистр. Географическое имя *Россия*, напротив, в историко-песенном фольклоре сохраняет официальную сему, свойственную функционированию этого топонима в литературном языке.

Топоним *Швеция* в историко-песенном фольклоре не зарегистрирован. Страна-противница представлена в форме «земля шведская» (ИП XVIII, № 207, ст. 18 — сюжет «Петра I узнают в шведском городе»; № 68, ст. 12 — сюжет «Войска Шереметьева разбивают шведские корабли»; № 70, ст. 7 и № 73, ст. 22 — сюжет «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора»), причем иногда в связи с названием короля — «король земли шведские» (ИП XVIII, № 51, ст. 10 — сюжет «Казачи встречаются царя под Шлиссельбургом»; № 67, ст. 3 — сюжет «Шведский король пытается захватить Полтаву»). Песенная традиция специально подчеркивает, что *шведская земля* является чужой, иной. Так, в песне «Петр I на корабле» царь, ошибочно названный Петром Федоровичем, «Во ину-то земелюшку пробирается, / Во ину-то земелюшку, во *шведскую*» (ИП XVIII, № 210, ст. 16–17).

Встречается в песнях формула «шведское королевство» (ИП XVIII, № 207, ст. 15 — сюжет «Петра I узнают в шведском городе») и «Стекольное государство» (ИП XVIII, № 207, ст. 14 — сюжет «Петра I узнают в шведском городе»). «Стекольной», как известно, по законам народной этимологии в России нередко называли Стокгольм — столицу Швеции. В одном из вариантов песни «Петр I на корабле» царь, плывущий на корабле, интересуется у магросов: «Что далеко ли до *Стекольного?*» (ИП XVIII, № 208, ст. 16).

Частотно в песнях прилагательное *шведский*. Оно устойчиво употребляется при слове «король»: «Сидел тут батюшко *шведский король*» (ИП XVIII, № 54, ст. 3 — сюжет «Вещий сон»), «А черной ворон — то *шведской король*» (ИП XVIII, № 55, ст. 15 — сюжет «Вещий сон»). См. также сюжеты «Шведский король предчувствует поражение» (ИП XVIII, № 56, ст. 4); «Русские солдаты и царь готовятся встретить шведского короля»

(ИП XVIII, № 58, ст. 25; № 59, ст. 19; № 60, ст. 10); «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора» (ИП XVIII, № 72, ст. 25) и др. Равным образом прилагательное-этнотопоним определяет других персонажей: «шведские караулы» (ИП XVIII, № 71, ст. 21; № 72, ст. 17; № 74, ст. 22); «шведский генерал» (ИП XVIII, № 71, ст. 60); «шведское войско» (ИП XVIII, № 73, ст. 13); «шведская сила» (ИП XVIII, № 73, ст. 21) и т. д.

2. Балтийское море. Одной из главных задач, которую ставил Петр I перед Россией, повторим, было завоевание выхода к Балтийскому морю. Приневско-Балтийские земли в песнях петровского времени заняли ведущее место. Хотя топоним *Балтийское море* в историко-песенном фольклоре не является частотным, множественность прибалтийских локусов, попавших в поле внимания песен, свидетельствует о том, что народ прекрасно понимал значение титанических усилий царя, направленных на преобразование России.

Балтийское море как локус в песнях упомянуто несколько раз, причем фольклорная традиция начала XVIII века знает разные топонимы для обозначения этого водного пространства. Именованное данного водоема в историко-песенном фольклоре связано с реализацией трех направлений фольклорной мысли: устно-поэтическая традиция использует древнерусский топоним для обозначения моря; осваивает новое имя, вошедшее в русское сознание в начале XVIII века; опираясь на песенную традицию, применяет к морю имя другого водоема, хорошо известного устной народной поэзии.

В одном из вариантов сюжета «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора» пленный швед так обозначает место, где находится шведская армия:

Стоит наша сила в чистом поле,
За теми за мхами, за болоты,
За той за великой переправой,
По край-близ *Варяжского моря*

(ИП XVIII, № 71, ст. 38–41).

В этом отрывке сочетаются мифологическое и историческое представления о пространстве. Формулы «чистое поле», «за мхами, за болоты» являют представление об «ином» пространстве: неприятельские войска пришли из «иноного» мира. В формуле «великая переправа» заложено не только значение реальных переправ, с которыми постоянно приходится сталкиваться воинским частям, но и представление о переправе как границе между «нашим» и «иным» миром. Центральный же образ — образ *Балтийского моря*, по которому прибывают шведские корабли, — в песне назван старинным топонимом *Варяжское море*, который зафиксирован еще Повестью временных лет. Древняя Русь очень хорошо представляла место Варяжского моря в обозреваемом пространстве: «Когда же поляне жили сами по себе на горах этих, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево (Ладожское озеро. — Т. И.), и устье того озера впадает в *море Варяжское*».⁵

Топоним *Варяжское море* на Руси употреблялся до XVIII века и был связан, как известно, с именованием скандинавских народов — варяги, которые называются в летописной формуле «из варяг в греки», обозначающей знаменитый торговый путь. Напомним, что Русь знала также другое название Балтийского моря — Свейское (шведское) море, которое, впрочем, в песнях не нашло места.

Помимо топонима *Варяжское море* историко-песенный фольклор XVIII века знает также гидроним *Верейское море*, который можно осмысливать как Балтийское море. В одном из вариантов сюжета «Корабельщики бранят князя» (ИП XVIII, № 190, ст. 1–2), относимого также к петровскому времени (но не относящегося к циклу о Северной войне), читаем:

⁵ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. XI–XII века. С. 67 (пер. О. В. Творогова).

Как и по морю, морю синему,
По синю морю по *Верейскому*,
Туто плыли-выплывали
Ровно тридцать кораблей

(ИП XVIII, № 190, ст. 1–4).

«Верейское море» мы находим в песнях, связанных со взятием Азова. В Азовском цикле (ИП XVIII, № 27–35), в нарушение географической реальности, корабли Петра I плывут по «Верейскому морю», чтобы захватить турецкую крепость Азов (ИП XVIII, № 31, ст. 1–2).

Выходя за рамки петровского времени, укажем, что «Верейское море» в песенном фольклоре может превращаться в «Еврейское море». Песня «Прусский король видит сон» из цикла «Песен о Семилетней войне» (ИП XVIII, № 278–409) начинается со стихов «Как по морю, *морю по Еврейскому* / Тут плыли-выплывали тридцать три кораблика» (ИП XVIII, № 406, ст. 1–2). «Верейское / Еврейское море» — производное от «Варяжского», но в отличие от топонима *Варяжское*, сохраняющего реально-географическое значение, теряет географические смыслы.

Гидроним *Балтийское море*, т. е. новое имя моря, находим в двух вариантах песни «Петр I на корабле». По сюжету царь плывет или из шведских земель в Россию, или из России в Швецию. Обратим внимание на то, что море в этой песне в поэтическом языке предстает «своим» пространством; образов «мхов» и «болот» мы здесь не находим. В общефольклорной формуле «синее море» значение «иное» в данном случае выхолощено, так как рядом появляется формула «у нас»: «А у нас было на синем море, / На *синем море* на *Балтийском*» (ИП XVIII, № 209, ст. 1–2); «Как по морю-моряшку по синему, / По *синему морю* по *Балтийскому*» (ИП XVIII, № 210, ст. 1–2).

Любопытен вариант № 208 того же сюжета «Петр I на корабле» из сборника М. Д. Чулкова (т. е. одна из самых ранних записей), где песня, сложившаяся по поводу действий Петра I на Балтике (царь плывет в Стекольный город), использует старую фольклорную формулу с именем *Хвалынское* (т. е. Каспийское) *море*: «Ах по морю, морю синему, / По *синему морю* по *Хвалынскому*» (ИП XVIII, № 208, ст. 1–2). «Хвалынское море», в противоречие географической действительности, встретилось и в одном из вариантов сюжета «Русские войска берут Ригу»: «Как по морю, морю синему, по *синему морю* *Хвалынскому* / Плыли-восплывали три военных корабля» (ИП XVIII, № 85, ст. 1–2).

Равным образом в песни петровского времени, освещающие события в Прибалтийских землях, попадает гидроним *Каспийское море*. В сюжете «Царь посылает казаков на шведскую заставу», в противоречие с исторической действительностью, Петр I плывет по *Каспийскому морю* и раздумывает, кого ему послать на «шведскую границу»: «По морю синему по *Каспийскому* плывет корабличек, / На корабличке, на носу, знамя царское государево» (ИП XVIII, № 112, ст. 1–2).

Пример с Хвалынским / Каспийским / Варяжским / Верейским / Балтийским морем ярко демонстрирует, что в фольклорной традиции ведущими оказываются не только связи «историко-географическая реалья» — «адекватное отражение ее в устной народной поэзии», но и механизмы самой фольклорной традиции. Песня отражает не только реалью, но и самое фольклорную традицию. «Хвалынское (Каспийское) море» в сочетании со «Стекольным городом» (Стокгольмом) или «шведской границей» — это не «порча», о которой так много писали представители исторической школы, а проявление одного из законов фольклорного языка. Слово (и даже топоним) включает в себе не только видовое (конкретное), но и родовое (общее) значение.

3. Приневское пространство. Свое место в песнях XVIII века занимает *Нева*. Сюжет «Казаки встречают царя под Шлиссельбургом» (ИП XVIII, № 51–53) развивается следующим образом: Петр I плывет на стружочке (гуляет) по *Неве*; казаки принимают его за шведского короля и хотят в него стрелять; царь приказывает развернуть

государевы знамена; казаки, узнав царя, умоляют государя простить их; Петр хвалит казаков за бдительность.

Нева, на протяжении всего XVII века остававшаяся во власти шведов, в историко-песенном фольклоре XVIII столетия предстает исключительно своим пространством. Глубинная память о том, что Приневские земли в Средневековье контролировались Великим Новгородом, оказывается определяющей для поэтического образа этой водной артерии. Фольклорная традиция сему «своей» закладывает в поэтический язык песен. Характерной является соположенная рядом с *Невой* формула «красный бережок»:

Как по крутому по красному берегу,
 Как по желтому сыпучему песочку,
 Тут ходил-гулял батюшко православный царь.
 Он садился, государь-царь, на легок стружок,
 Размахнули-разгребнули в верх *Невы-реки*,
 Что ко славному ко городу ко Шлюшину

(ИП XVIII, № 51, ст. 1–6).

Нева получает эпитет «славная» и родительскую сему «матушка», что также свидетельствует о восприятии реки как «своей»: «Ох по *матушке* по *славной по Неве-реке*» (ИП XVIII, № 52, ст. 1). В то же время, отражая геополитические реалии своего времени, песня запечатлевает ситуацию того, что Россия еще не прочно контролирует берега Невы. Петр I хвалит казаков:

Исполать су вам, донские братцы-казаки,
 Что опасно (т. е. с опаской. — Т. И.) вы по *Неве-реке* гуляете,
 Заправлявши свое ружье свинцом-порохом!

(ИП XVIII, № 52, ст. 28–30;
 см. также № 51, ст. 23–25).

Строка «Как по желтому сыпучему песочку», имеющаяся в предыдущем фрагменте, также, кстати, корреспондирует с темой опасности плавания по Неве. Мифологическое значение «желтого песка» связано с темой смерти: на песке ничего не родится.

Нева зафиксирована в некоторых вариантах сюжета «Солдаты жалуются на тяготы государевой службы» (ИП XVIII, № 174–183): «Что за речкой было за *Невою*, / За *Невою* было с переправой» (ИП XVIII, № 178, ст. 1–2). В этом же сюжете имеется форма «Невага». Напомним, что географическое имя *Нева* лингвисты производят или от финского «болото», или связывают с праиндоевропейским корнем, означающим «новый». (Нева, как известно, — молодая река, возникшая как протока из Ладожского озера в Финский залив всего 4000 лет тому назад.) Та' значит 'река, движущаяся вода'. Слово «переправа», таящее в себе забытые древние мифологические смыслы, связанные с «иным» миром, в песенном фольклоре XVIII века, по-видимому, вследствие поиска рифмы стало основой для создания псевдогидронима — имени некой реки *Переправы* или *Перебраги*: «Как за речушкой за *Невагою*, / За другой речушкой *Переправой*» (ИП XVIII, № 176, ст. 1–2; см. также № 183, ст. 1–2); «Как за риченькой было за *Невагою*, / За другой-то ричькой *Перебрагою*» (ИП XVIII, № 177, ст. 1–2; см. также № 66, ст. 1–2 — вариант песни «Молодец собирается под Полтаву»); «За речкой за *Невагушкой*, / За широкою *Перебрагушкой*» (ИП XVIII, № 175, ст. 1–2). Имеется и песенная форма *Небрага* («Что за реченькой было за *Небрагою*» — ИП XVIII, № 181, ст. 1).

Топоним *Перебрага* по материалам песен лирического характера, являющихся изводом исторической песни «Солдаты жалуются на тяготы государевой службы», рассмотрен в статье Т. В. Красновой.⁶ Перебрага, указывает исследовательница, — это

⁶ Краснова Т. В. Лингво-исторический анализ народной песни петровской эпохи «За Невагою» // Русский фольклор: проблемы изучения и преподавания. Материалы межрегиональной науч.-практической конф. 24–27 сент. 1991. Тамбов, 1991. Ч. 3. С. 123–126.

брод, переправа. Возможна реконструкция — «за другою речкой с перебрагою» — считает Краснова и справедливо полагает, что песня демонстрирует превращение имени нарицательного в имя собственное.

Любопытно, что в сюжете «Солдаты жалуются на тяготы государевой службы» изоморфной *Неве* оказывается *Волга* (ср. Варяжское / Балтийское / Хвалынское / Каспийское море), которая, без сомнения, много раньше Невы оказалась освоенной художественным сознанием русского фольклора. См. в том же сюжете «Солдаты жалуются на тяготы государевой службы»: «Как за реченькой за *Волгою*» (ИП XVIII, № 174, ст. 1); «В нас за речкою, право, за ни *Волгою*» (ИП XVIII, № 179, ст. 1). При всей соблазнительности увидеть в *Волге* исходный топоним для данного сюжета мы все-таки полагаем, что в песне «Солдаты жалуются на тяготы государевой службы» изначально является гидроним *Нева*: именно с Приневскими берегами связана солдатская служба (и ее тяготы) во времена Петра I. Волга же попадает в Петровский цикл песен по названному выше фольклорным законам: песенная традиция отражает не только напрямую географические реалии (Нева), но и самое себя — давно освоенную Волгу.

Интересна топонимическая картина, касающаяся *Шлиссельбурга*. Крепость, напомним, располагается на острове Ореховый у истока Невы из Ладожского озера. В 1323 году новгородцы на острове поставили сначала деревянные укрепления, а затем через тридцать лет в 1353 году заложили каменные стены и башни. Шведы неоднократно подступали к крепости, называемой *Орешек*. В 1613 году Швеция захватила Орешек и переименовала его в Нотебург ('*noöt*' — 'орех'). Во времена царя Алексея Михайловича Россия сделала попытку вернуть крепость, но осада закончилась неудачей. Наконец, осенью 1702 года из Олонецкого края по знаменитой Государевой дороге русские войска были скрытно переброшены на Ладогу. Крепость была осаждена в сентябре, и 11 октября в результате решительного штурма Нотебург пал. Петр I переименовал его в Шлиссельбург ('ключ-город').

Анализ песен о взятии Орешка представлен в работах В. К. Соколовой и С. А. Джанумова,⁷ которые обратили внимание прежде всего на то, что в песне «Взятие Орешка» (ИП XVIII, № 83) фольклорная традиция использует мотив подкопа и взрыва крепостной стены, который подробно разработан в песнях о взятии Казани (XVI век) и в произведениях о турецкой крепости Азов (XVII век). Этот мотив, наличествующий и в песне о взятии Риги (см. далее), демонстрирует механизмы реализации традиции в фольклорной культуре.

Мы остановимся на именовании Орешка. Фольклорная традиция петровского времени помнит древнерусское название данного локуса и в то же время активно использует новое название крепости, причем и в его нормативной форме, и в просторечной.

Ситуацию двойного имени крепости отражает песня «Солдаты готовы штурмовать Орешек» (XVIII, № 81–82): царь спрашивает генералов, как штурмовать крепость, они предлагают отступить; государь с тем же вопросом обращается к солдатам, те заявляют: «...будем мы его белою грудью брати». В начальных строках песни в противовес ее бравому заключению звучит жалоба молодца на рекрутчину:

Во солдатах быть мне и в походе
Что под славным городом под *Орешком*,
А по нынешнему званию *Шлиссельбургом*

(ИП XVIII, № 81, ст. 5–7; см. также № 82, ст. 9–10).

То же двойное именование крепости находит место в одном из вариантов песни «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора»: «Во славном городе *Орешке*, / По нынешнему званию *Шлюшенбурхе*» (ИП XVIII, № 72, ст. 1–2).

⁷ Анализ песен о взятии Орешка см.: Соколова В. К. Русские исторические песни XVI–XVIII вв.; Джанумов С. А. Отражение военно-исторических событий конца XVII — начала XVIII века в песнях о взятии Азова и Северной войне.

К. В. Чистов,⁸ обративший внимание на двойное именование Орешка / Шлиссельбурга, указывает, что оно звучит только в начале песни, а в дальнейшем по тексту песен локус называется исключительно Орешком. Отчасти это так: «Еще как нам будет взять *Орешек*?» (ИП XVIII, № 81, ст. 14; см. также № 82, ст. 16, 25); «Еще брать ли нам иль нет *Орех-город*?» (ИП XVIII, № 81, ст. 20).⁹ По мнению исследователя, через топоним *Орешек* «утверждается исконная принадлежность этих земель России».¹⁰

Тем не менее имя *Шлиссельбург* упрочилось в историко-песенном фольклоре петровского времени. Это географическое название, не привычное солдатскому уху, в песнях иногда предстает в нормативной форме (ИП XVIII, № 81, ст. 7), что, впрочем, скорее всего, является фактором, обусловленным образованным собирателем. Зафиксирована форма «Слюссельбург» (ИП XVIII, № 82, ст. 10). Просторечной формой является «Шлюшин». Именно так локус назван в процитированном выше варианте № 51 песни «Казакки встречают царя под Шлиссельбургом»: «Размахнули-разгребули в верх *Невы-реки*, / Что ко славному ко *городу* ко *Шлюшину*» (ИП XVIII, № 51, ст. 5–6).

«Слюссельбургский бережок» упоминается в песне «Взятие Орешка» (ИП XVIII, № 83, ст. 10). О стружках (стругах) с преображенскими и семеновскими солдатами говорится:

По реке они бежали к круту-красну берегу,
К круту-красну берегу, ко *Слюссельбургскому*.
Подбирали они парусы полотняные,
Что того ли полотна все *олонецкого*

(ИП XVIII, № 83, ст. 9–12).

«Полотна *олонецкие*» К. В. Чистов связывает со строительством Ладожско-Свирских верфей, располагавшихся в Олонецкой губернии. Этот образ является изоморфным «голландским полóтенцам», имеющимся в одном из текстов песни «Русские войска берут Ригу» (ИП XVIII, № 85, ст. 9).

Топоним *Ладожское озеро* в историко-песенном фольклоре петровского времени места почти что не нашел. Лишь единожды в сюжете «Молодцев отправляют на Ладожский канал» коллизия непосредственно связана с этим водоемом: добрых молодцев отправляют «На канавушку на *Ладожску*, на работушку государеву» (ИП XVIII, № 171, ст. 9–10). Во всех остальных вариантах, охарактеризованных Чистовым¹¹ с акцентом на социальный аспект песни, речь идет просто о «канавушке».

Ладожский (Петровский, Староладожский) канал — 117-километровый водный транспортный путь, крупнейшее гидротехническое сооружение своего времени. Канал соединяет Волхов и Неву и тянется вдоль южного берега Ладожского озера. Необходимость строительства канала была вызвана тем, что штормовые ветры Ладоги нередко вели к массовой гибели судов. Работы начались в 1719 году при Петре I и закончены в 1730 году, причем уже после окончания строительства пришлось соорудить шлюзы — у Новой Ладоги (на Волхове) и у Шлиссельбурга. Канал прекратил свое существование к середине 1820-х годов, поэтому при императоре Александре II вдоль старого канала был построен новый — Новоладожский, функционирующий до настоящего времени.

Несмотря на то, что помимо «Ладожской канавушки» мы можем указать еще только на один случай появления Ладожского озера в историко-песенном фольклоре XVIII века, значение этого водоема для России было полностью осознано солдатами. В сюжете «Прусский король похваляется захватить Русскую землю», выходящем за

⁸ Чистов К. В. Некоторые моменты истории Карелии в русских исторических песнях. С. 80–84.

⁹ Возможно, отголосок имени северной крепости Орешек мы находим в первой строке песни «Русские корабли на Черном море»: «Не под городом было под *Орешевым*» (ИП XVIII, № 206, ст. 1).

¹⁰ Чистов К. В. Некоторые моменты истории Карелии в русских исторических песнях. С. 81.

¹¹ Там же. С. 85–86.

рамки петровского времени и посвященном Русско-прусской (Семилетней) войне, Ладожское озеро (в форме «Ладонское») называется в ряду других локусов (Новгород, Москва, «Святгорская земля»), упоминаемых в топосе вражеской угрозы (ИП XVIII, № 284, ст. 5–9). Соположение Ладожского озера рядом со старинными русскими городами свидетельствует о высоком статусе, который этот водоем стал играть в русском общественном сознании.

Попадает в историко-песенный фольклор петровского времени и *Кронштадт* — правда, в единичном примере, что, возможно, вызвано тем, что при Петре I новая островная крепость еще только формировалась и не занимала заметного места в солдатском сознании. Кронштадт, напомним, стоит на острове Котлин, который по Ореховскому мирному договору 1323 года между Новгородской феодальной республикой и Швецией служил границей между этими государственными образованиями (а затем — между Русским государством и Швецией). После Смутного времени по Столбовскому договору (1617) остров отошел Швеции. Корабли Швеции, стоявшие у Котлина, в конце навигации уходили в свои гавани. В 1703 году, воспользовавшись отсутствием шведского флота, Петр I за зиму построил ряд фортов, которые закрыли проход в Невскую губу, что весной неприятно удивило пришедших к Котлину шведов. Впоследствии здесь выросла русская крепость Кронштадт («коронный город»). С 1720-х годов Кронштадт — военно-морская база Балтийского флота.

В сюжете «Шереметев набирает солдат для армии» Шереметев набор в солдаты осуществляет в Кронштадте: «Как у нас было в *Кронштадте*» (ИП XVIII, № 173, ст. 8). За рамками петровского времени Кронштадт станет частотным топонимом в исторических песнях.

Мы не касаемся в этой статье Санкт-Петербурга, стоящего на Неве, и переходим к Прибалтийскому пространству.

4. Прибалтийское пространство. Помимо Приневских земель историко-песенный фольклор петровского времени вслед за историческими событиями активно осваивает и Прибалтийское пространство.

Интересную картину в области именовании в исторических песнях демонстрирует *Дерпт*, имеющий непростую историю смены имен. Город был основан в 1030 году древнерусским князем Ярославом Мудрым, назвавшим его Юрьев (по-видимому, или по имени первой церкви в честь Георгия Победоносца, или по собственному христианскому имени). После распада Киевского государства город входил в сферу влияния Новгородской феодальной республики. В 1224 году Юрьев был захвачен немецкими рыцарями-меченосцами, а впоследствии оказался под властью Ливонского ордена. С этого времени город, ставший крупным торговым центром, назывался Дорпат или Дерпт; с 1276 года он входил в Ганзейский союз. С 1582 года Дерптом владела Речь Посполитая. В XVII столетии он стал предметом постоянных военных столкновений между Швецией, Россией и Речью Посполитой: в 1600–1603 годах принадлежал Швеции; в 1603–1625 годах — Речи Посполитой; в 1625–1656 годах — Швеции; в 1656–1661 годах — России; в 1661–1704 годах — Швеции.

В июне 1704 года Дерпт был осажден Шереметевым. После прибытия в войска царя 13 июля состоялся штурм, и город капитулировал. С этого времени он входил в состав Российской империи. В 1893 году при Александре III городу вернули древнерусское имя Юрьев. С образованием Эстонии он был переименован в Тарту (1919).

Географическое имя Дерпт единожды использовано в одном из вариантов песни «Князь Шереметев допрашивает шведского майора». В тексте № 71 русские войска гонятся «за шведским генералом / До самого города до *Дерпта*» (ИП XVIII, № 71, ст. 60–61). В данном тексте о взятии Дерпта не говорится. Скорее всего, песня отражает ситуацию 1702 года, когда после поражения шведов при Гуммельсгофе Шереметев подошел к Дерпту и разорил пригородные мызы (см. подробнее далее).

Вариант № 70 того же сюжета «Князь Шереметев допрашивает шведского майора» также вписывается в ситуацию 1702 года, хотя в песне называется 1721 год: «Во тысяче семьсот двадцать первом году, / Во месяце было во июне, / В двенадцат было

первых числах» (ИП XVIII, № 70, ст. 1–3). Однако здесь называется не *Дерпт*, а *Юрьев*. Шереметев в этом варианте движется «под славной под город под *Юрьев*, / Под тот ли под *Юрьев ливонский*» (ст. 8–9). Древнерусский Юрьев, как следует из песни, солдатами воспринимается как «чужой» город — город «шведской земли», «ливонский» город. В то же время, полагаем, в этом варианте, по всей видимости, сказались и события 1704 года, когда город пал под ударами русских войск. Согласно песне, государь Петр I, прибывший к Юрьеву (в соответствии с исторической действительностью), проклинает осаждаемый город:

Да будь же ты, *Юрьев*, проклят
 Огнине ты, *Юрьев*, и до веку,
 Не будет тебе, *Юрьеву*, построенья,
 Белокаменным палатам поставленья

(ИП XVIII, № 70, ст. 50–53).

Нам важно, повторим еще раз, указать, что в одном художественном пространстве песен петровского времени фольклорная традиция может использовать разновременные топонимы, обозначающие один и тот же локус. В случае с Юрьевом / Дерптом сработали те же законы фольклорной традиции, что и в примере Варяжское море / Балтийское море.

Из прибалтийских городов песенная традиция откликнулась на взятие *Риги*. После Полтавской победы Петр I приказал Шереметеву развернуть боевые действия в Прибалтике. В ноябре 1709 года в тяжелейших условиях зимы русские войска начали осаду Риги, которая в то время была одной из мощнейших крепостей в Европе. Чтобы не допустить помощь шведским войскам с моря, Меншиков построил укрепления со стороны моря. Осада продолжалась до конца июня 1710 года; 4 июля шведы капитулировали. Рига присягнула на подданство России.

Песня «Русские войска берут Ригу» (№ 84–86) завершается поздравлением Петра I с новым городом: «Здравствуй, император-царь, со городом, / Со крепким со городом со *Рыгою*» (ИП XVIII, № 84, ст. 19–20). Помимо эпитета «крепкий» (см. также ИП XVIII, № 85, ст. 21–22) город имеет и другую характеристику: «Здравствуй, император, с *Ригой* каменной стеной, / С той же с круглой башней с трехугольнёю» (ИП XVIII, № 86, ст. 25–26).

В песне, посвященной строительству Ладожского канала (т. е. событиям 1719 года), Рига уже предстает своим городом: государь-царь едет из-под Риги; мать сыра земля, отражая настроения доброго молодца, плачет по поводу того, что ее велют копать (строить канал) (ИП XVIII, № 172, ст. 7).

Механизмы устной традиции, заложенные в рассмотренных примерах Варяжское море → Балтийское море и Юрьев → Дерпт, сказываются и в связи с городом *Ревель*. По историческим данным, поселение впервые упомянуто в 1154 году. В русских летописях на протяжении XII–XVI веков город назывался Кольванью; этот же топоним употреблял и Петр I. До XIII века эти чудские (по терминологии летописей) территории находились в сфере влияния Древней Руси. Топоним *Кольвань* в фольклористике принято связывать с былинными героями Кольваном и Самсоном Кольвановичем. В 1219 году Кольвань была захвачена Данией, и город получил новое имя — Ревель. Город активно развивался как торговый порт. В 1285 году он вошел в Ганзейский союз. В 1346 году Дания продала Ревель Тевтонскому ордену, закрепившемуся в Прибалтике, а тот передал его потом Ливонскому ордену. В 1561 году при распаде Ливонского ордена Ревель стал владением Швеции.

Как и Рига, Ревель был взят русскими войсками в 1710 году, причем осажденный город, в котором вспыхнула эпидемия чумы, сдался без боя 29 сентября. Город находился в составе Российской империи до 1918 года, когда была образована самостоятельная республика Эстония. Тогда город был переименован в Таллинн.

В фольклорной традиции XVIII века употребляются и древнерусское название города, и датско-немецкое. *Ревель* запечатлен в сюжете «Шведская королева просит по-

мощи» (№ 87–91): шведская королева, сидящая в Ревеле, на вопрос генералов, просит ли она помощи от брата-короля, чтобы защитить город, отвечает, что она посылала к нему курьеров; тут же русская армия входит в город, шведские караулы снимает, расставляет российские караулы. Один из вариантов песни начинается строками: «Как во славном то во городе было в *Кольвани*, / Что по нынешнему названьицу славный город *Ревель*» (ИП XVIII, № 88, ст. 1–2), т. е. именование города строится по модели Орешек / Шлиссельбург.

В другом тексте двойное название города появляется в самом конце песни:

Барабанщики в барабаны бьют — город взяли,
Как по старому названьицу *Кольвань-город*,
По нашему названьицу — город *Ревель*

(ИП XVIII, № 89, ст. 20–22).

Однако подчеркнем, что в остальных вариантах используется единственный топоним — *Кольвань*: «Как во славном было городе *Кольване*» (ИП XVIII, № 87, ст. 1); «Что во славном было городе *Кольвани*» (ИП XVIII, № 90, ст. 1); «Не белы снежки в поле забелелися, / А это забелелся славный город *Кольваньцеа*» (ИП XVIII, № 91, ст. 1–2).

Сюжет «Шведская королева просит помощи» отражает реальную ситуацию в правящих кругах Швеции. Напомним, что король Карл XII в 1700 году покинул Стокгольм и полностью погрузился в военные сражения на территории Европы. В столице Швеции оставались его сестры, которые последовательно фактически взяли на себя функции главы государства. Старшая сестра — Гедвига София (1681–1708), — бывшая с 1698 года замужем за Фридрихом IV, правителем Гольштейн-Готторпского герцогства, овдовела в 1702 году. Оставаясь регентшей Гольштейн-Готторпского герцогства при своем сыне-младенце, она проживала в Стокгольме, участвовала в управлении государством, подписывала вместо отсутствовавшего короля необходимые документы.

После ее смерти от оспы в 1708 году эти же функции стала выполнять вторая сестра Карла XII — Ульрика Элеонора (1688–1741). После гибели Карла XII 30 ноября 1718 года у норвежской крепости Фредриксхальд (под властью Дании) Ульрика Элеонора была провозглашена королевой, но в 1720 году она передала корону своему мужу Фридриху Гессен-Кассельскому. Песня «Шведская королева просит помощи», таким образом, отражает фактическое реальное пребывание на престоле в Швеции женщин.

Географическое имя город *Кольванов* находим в одном из вариантов, очень путанном, песни «Нападение горцев на калмыков», находящейся вне рамок произведений о Северной войне: «Под городом было, да всё под городом / Было, братцы, под *Кольвановым*» (ИП XVIII, № 162, ст. 1–2). Перенесение прибалтийского города на юг, где имеется ханская «кибиточка» и «молодой хан», — это еще один пример деформации географического пространства в исторических песнях.

Топонимическую загадку представляет географическое имя *Красная Мыза*. Этот топоним мы не нашли ни в поденных записках Петра I «Гистория Свейской войны»,¹² ни в основательном исследовании действий русских войск в Прибалтике Х. Э. Палли.¹³ Красная Мыза упоминается в некоторых вариантах сюжета «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора» (№ 70–76), события которого исследователями прикрепляются к разным эпизодам Северной войны. Слово «мыза», без сомнения, заставляет искать локацию этой точки в Ингерманландии или Прибалтике, где мызами назывались усадьбы. Однако на территории Ингерманландии значительных боев не было, поэтому фольклористы связывают Красную Мызу с первыми победами русского оружия при Эрестфёре или Гуммельсгофе.

¹² Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова. М., 2004. Вып. 1–2.

¹³ Палли Х. Э. Между двумя боями за Нарву: Эстония в первые годы Северной войны. 1701–1704. Таллин, 1966.

В. К. Соколова в 1960 году в своей монографии, не ставя специального вопроса о локализации Красной Мызы, называет песни, которые в академическом издании «Исторические песни XVIII века» названы «Князь Шереметев допрашивает шведского майора», песнями о битве у Красной Мызы. Исследовательница безоговорочно полагает, что «песня явилась откликом на крупную победу, одержанную Шереметевым в битве при Эрестфёрах над шведскими войсками, предводительствуемыми Шлиппенбахом».¹⁴ В. Г. Смолицкий, автор специальной статьи об образе Шереметева в исторических песнях, также Красную Мызу связывает с Эрестфёрами.¹⁵

Эрествере (Эрествер, Эрествери), в историографии вошедший как Эрестфёр, расположен между озерами Псковское (часть Чудского озера) и Вырц (Вирц), южнее Дерпта (Тарту). 23 декабря 1701 года войска Шереметева выступили из Пскова в Лифляндию (в ее Эстляндскую часть). 28 декабря Шереметев был в мызе Пери; 29 декабря дал бой у Эрествере. Корпус шведского генерала Вольмара Антона Шлиппенбаха (1653–1721), с весны 1701 года командовавшего войсками в Эстляндии и Лифляндии (позднее в Полтавском сражении он попал в плен, в 1712 году был принят на русскую военную службу), потерпел поражение. Его войска бежали к Дерпту (Юрьев, Тарту), но Шереметев не стал их преследовать, так как задача взятия Дерпта тогда не стояла: у русских не было осадной артиллерии. Шереметев вернулся в Псков.¹⁶

Эрествере в сюжете «Князь Шереметев допрашивает шведского майора» не упоминается, но в песне «Шведская королева просит помощи» называется *Эстербек*. Поражение Швеции в Северной войне один из вариантов песни отразил в формуле, перечисляющей города, отошедшие России:

Выходила королева на крылечко,
Выносила золотые ключи на серебряном блюде,
Поздравляла царя белого с городами:
Как со первым городом с *Кольванью*,
А с другим городком *Петербурхом*,
А с третьим городом *Эстербеком*

(ИП XVIII, № 91, ст. 16–21).

Полагаем, что *Эстербек* — это испорченное *Эрестфёр*. Не исключено, что *Эстербек* — это испорченное *Систербек*, т. е. Сестрорецк (пригород Петербурга), где в 1703 году и позднее шли бои с участием Петра I, а позднее в 1714–1724 годах был основан оружейный завод, вокруг которого выросла слобода.

С. Н. Азбелев в антологии «Исторические песни. Баллады»,¹⁷ печатая один из вариантов песни «Князь Шереметев допрашивает шведского майора» (№ 71 по изданию ИП XVIII) и называя ее «Бои под Красной Мызой и Гуммельсгофом», связывает Красную Мызу со сражением при Гуммельсгофе, произошедшем 18 июля 1702 года.

12 июля Шереметев с «большим полком» вышел из Пскова, вошел в пределы Лифляндии и двинулся в направлении к Эрествере. Во время одного из боестолкновений был взят в плен шведский майор Розен. (Именно этот эпизод, полагает Азбелев, и стал основанием для сложения песни «Князь Шереметев допрашивает шведского майора».) Шведы заняли позиции около мызы Хуммули, которая в «Истории Свейской войны» названа Гумоловой мызой, а в историографию вошла как Гуммельсгоф. Одержав победу 18 июля над шведами, которыми командовал все тот же Шлиппенбах, Шереметев три дня простоял в Хуммули (Гумуловой мызе), а затем двинулся за шведами к Дерпту, блокировал город, разорил подгородные мызы, но 30 июля «большой полк» покинул позиции у Дерпта (у русских все еще не было осадной артиллерии).

¹⁴ Соколова В. К. Русские исторические песни XVI–XVIII вв. С. 209.

¹⁵ Смолицкий В. Г. Песни о Борисе Петровиче Шереметеве // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 2005. Вып. 8. С. 185.

¹⁶ Палли Х. Э. Между двумя боями за Нарву. С. 145–166.

¹⁷ Исторические песни. Баллады / Сост., подг. текстов, вступ. статья и прим. С. Н. Азбелева. М., 1986. С. 363–364, 582 (прим.).

К тому же один из отрядов шведов вторгся на Псковскую территорию и разорил несколько деревень под Изборском. Опасаясь за Печорский монастырь (и, возможно, сам Псков), Шереметев вернул войска в Псковские пределы.¹⁸

Гуммельсгоф ни в какой форме в исторических песнях о Северной войне не отразился. Однако Красная Мыза, повторим еще раз, устойчиво повторяется в текстах «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора». В варианте ИП XVIII, № 71 называются Псков, «граф Борис сударь Петрович Шереметьев», генерал Шлюшенбах (Шлиппенбах), Варяжское море, Дерпт и Красная Мыза. Согласно тексту, Шереметев «Не дошедши *Красной Мызы*, становился, / Он ставил полки городками» (ИП XVIII, № 71, ст. 6–7).

Вариант № 70 (здесь имя Шлиппенбаха отсутствует) построен так, что целью Шереметева становится Юрьев (Дерпт):

Собирался царев большой боярин,
Генерал Борис Петрович Шелеметьев,
Из славного города изо Пскова
Поход держать в шведскую землю,
Под славный под город под Юрьев,
Под тот ли под Юрьев ливонской.
Не дошед он *Красной Мызы*, становился,
Становился на речке на Гонзе

(ИП XVIII, № 70, ст. 4–11).

Равным образом с Гуммельсгофским сражением можно связать и вариант № 73, хотя там отсутствует топоним *Псков* (Шереметев выступает из Петербурга, которого в 1702 году еще не существовало). Однако имя Шлиппенбаха (в форме Шильпенбахт) в песню включено. В этом же варианте находим упоминание имени Левенюпта. Без сомнения, это Адам Людвиг Левенгаупт (1659–1719) — шведский генерал, воевавший в Прибалтике, потерпевший поражение в 1708 году при дер. Лесной, взятый в плен после Полтавской битвы и скончавшийся в России будучи пленником, не пожелавшим, в отличие от Шлиппенбаха, вступить на российскую службу. Как и в предыдущих вариантах, Шереметев «Подымался под шведскую *Красную Мызу*, / Не дошед до *Красной Мызы*, становился» (ИП XVIII, № 73, ст. 7–8). Шереметев интересуется у пленного шведа, сколько солдат стоит непосредственно в самой «шведской» *Красной Мызе*: «Много ли стоит силы в *Красной Мызе*? / Много ли силы-войска с Левенюптом?» (ИП XVIII, № 73, ст. 26–27). Количество шведских солдат не пугает Шереметева:

«А и тут ведь я шведа не боюся,
Под *Красную Мызу* становлюся!»
Генерал Шильпенбахт испугался,
Из-под *Красной Мызы* убирался.

(ИП XVIII, № 73, ст. 38–41).

В тексте № 74, где отсутствуют и Псков, и имя Шлиппенбаха, топоним *Красная Мыза* сокращается до слова «Мыза»: «Собирался Борис сударь Петрович Шереметьев-князь / Под тот ли под город под *Мызу*» (ИП XVIII, № 74, ст. 12–13; см. также ст. 18, 19). Шереметев после допроса шведского майора заявляет: «Собью я *Мызу* все с корня, / До самой до пошты» (ст. 39–40).

Текст № 75 (отсутствуют Псков и Шлиппенбах) помимо *Красной Мызы*, деформированной в «Красный мыс», включает также еще один очевидный прибалтийский топоним — *Илтаворы*:

Приходили они (казаки. — *Т. И.*) на шведскую границу,
Вокруг *Красного Мыса* становились,

¹⁸ Палли Х. Э. Между двумя боями за Нарву. С. 175–204.

Казаков посылали грабить город *Илтаворы*,
Они *Красный Мыс* разорили,
В полон шведского майора посадили

(ИП XVIII, № 75, ст. 14–18).

Однако, укажем, топоним *Красная Мыза* мы встречаем и в песнях, отражающих другие события Северной войны. В тексте о штурме Орешка (Нотебурга, Шлиссельбурга), все с тем же мотивом допроса пленного шведа, о казаках читаем: «Вошли оне во *Красну Мызу*» (ИП XVIII, № 72, ст. 10). Такого рода топонимические сдвиги, подчеркнем еще раз, не редкость в фольклорной традиции.

Наконец, *Красная Мыза* попадает в вариант песни «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора», привязанный к событиям под Полтавой (ИП XVIII, № 76). Текст начинается с мотива тоски солдат, стоящих на границе, по родным местам. Далее в центре действия оказывается ставка шведского короля («Как под славным городом под *Полтавой*» — ИП XVIII, № 76, ст. 10), к которому приходят его генералы, заявляющие, что «*Полтавы-города* не взяти» (ИП XVIII, № 76, ст. 16). Затем в полтавское пространство вторгается *Красная Мыза*: по словам шведских генералов, русский царь-государь «поход держит в землю шведскую» — «Под ту ли под *Красну Мызу*» (ИП XVIII, № 76, ст. 23). Генералы докладывают королю также, что «из славного города из *Обска* (Пскова. — Т. И.)» на Красную Мызу идет Борис Петрович Шереметев. По контексту песни остается непонятным, куда песня в данном случае помещает Красную Мызу — в Прибалтику или на Полтавщину. Следующим эпизодом становится допрос пленного шведского майора, который о количестве шведской силы, желая испугать русских, говорит: «...сорок тысяч, / А с самим королем — сметы нету» (ИП XVIII, № 76, ст. 53–54). Шереметев силы не убоился. Приказывает идти к реке Момже и настигает шведов под Полтавой:

А король догадался,
За *Момжу-реку* перебрался.
Шереметьев за ним погонился:
Состигал короля середь поля,
Под славным городом под *Полтавой*

(ИП XVIII, № 76, ст. 63–67).

Можно предположить, что «Момжа» является деформированной формой имени реки Омовжи (Амовжи), на которой в Шведской Ливонии стоит Гуммельсгоф и Дерпт. Эта небольшая река, вытекающая из озера Вартсъярв и впадающая в Чудское озеро (ныне Эстония), имеет несколько имен: Эмайыги (*эст.*), Эмбах (*нем.*), Метра (*латыш.*), Омовжа (*рус.*). Перенесение этого географического имени в пространство Полтавы лежит в одном ряду с включением Красной Мызы в песни о Полтавской битве.

Как мы уже указывали, Красная Мыза не упоминается ни в исторических источниках, ни в исследованиях, посвященных Северной войне. В «Истории Свейской войны», например, называются мызы Гумолова, Сайге, Платор, Мензе, Керепецкая, городки Каркуз, Гомельт, Смиртин, Ракобор, Валка, Вальмер, Мариенбурх и др.¹⁹ Русский топоним *Красная Мыза* по определению не мог оказаться в Прибалтийских землях. Мы полагаем, что Красная Мыза — это псевдотопоним. Русские солдаты, оказавшись в Лифляндии, познакомились с новым словом — «мыза» (усадьба). Богатый облик многих мыз поразил их воображение, в результате чего появилась формула «красная мыза», т. е. красивая. Формула превратилась в топоним — то ли в сознании самих носителей песенной традиции, то ли в записях собирателей.

Укажем на еще один топоним, который, кажется, можно отнести к Прибалтийскому пространству. В песне «Бегство Лещинского» зарегистрирован топоним *город Гранский*. В этом произведении, начинающемся образами кручины («Уж не три поля

¹⁹ История Свейской войны. С. 89–93.

кручинушки изнасяею»), русские солдаты и драгуны «расплакались» в связи с тяжелой «службой государевой»; при этом они находятся «Что под славным под городом подо *Гранским*» (ИП XVIII, № 276, ст. 3). Возможно, что «Гранский» — это искаженное имя Гданьска (не исключаем — неправильное прочтение буквы «д» как «р»).

Гданьск оказался в поле внимания России в ходе Северной войны. В 1704 году Карл XII установил контроль над территорией всей Польши, посадил на престол своего ставленника Станислава Лещинского. В 1706 году королевский двор Карла XII расположился в Гданьске — портовом городе, через который осуществлялось снабжение шведской армии. После Полтавской победы Станислав Лещинский укрылся от русских войск в Гданьске. Петр I потребовал от Гданьска изгнать Лещинского, а затем наложил на город огромную контрибуцию, которую начали выплачивать только после того, как Меншиков с русской армией в 1713 году подошел к городу. В 1718 году в предместья Гданьска вошла дивизия А. И. Репнина, под нажимом чего город вынужден был выплатить дополнительные деньги.

Таким образом, географическое имя Гданьск было знакомо солдатской среде. Этот город, отметим, не вошел в состав России по результатам Северной войны.

Таким образом, песенная традиция с разной степенью интенсивности уже во времена Петра I освоила все основные локусы Приневско-Балтийского пространства, которыми приросла Россия. Множественность топонимов в песнях этого цикла обусловлена хроникальной функцией, которую заключают в себе исторические песни, созданные в солдатской среде. Эта же функция читается и в сюжетах, посвященных Полтавской битве.

5. Полтавская битва. *Полтава*, расположенная на р. Ворскла (левый приток Днепра), во времена Гетмановщины в первой половине XVII века была одной из важных точек расположения казацких полков. В результате войны между Россией и Речью Посполитой (1654–1667) по Андрусовскому (дер. Андрусово, ныне Смоленская обл.) мирному договору в 1667 году Полтава вместе со всей Левобережной Украиной отошла России.

В ходе Северной войны после Нарвской победы в 1700 году Карл XII сосредоточился на военных действиях в Саксонии и Речи Посполитой. В связи с этим интересно, что в русскую песню попадает топоним *Крякон*: «Во городе во *Кряконе*, во горнице и во светлоу» (ИП XVIII, № 54, ст. 1), согласно сюжету «Вещий сон», сидит шведский король и просит «шведов мудрых» объяснить ему сон, предвещающий приход русской армии. Вероятно, песня здесь имеет в виду город Краков в Речи Посполитой, на территории которой Карл XII вел свои боевые действия.

Успехи Петра I в Приневском регионе (взятие Орешка / Нотебурга, строительство Санкт-Петербурга и будущего Кронштадта) заставили шведского короля серьезно взглянуть на Россию. В 1708 году Карл XII решил направить основной удар против восточного соседа. Им строились планы по захвату Смоленска, а потом, возможно, и Москвы. В течение всего 1708 года русские и шведы вступали в военные столкновения при Головчине, Добром, Раёвке, Лесной (территория нынешней Белоруссии). Шведские войска, оказавшись на чужой территории и, естественно, не получая поддержки местного населения (русскими проводилась тактика «выжженной земли»), испытывали большие проблемы с продовольствием. Поэтому Карл XII, отказавшись от похода на Смоленск, направился на Гетмановщину, где Мазепа, изменивший Петру I, обещал ему оружие, воинскую силу, фураж и продовольствие. Часть запорожцев поддержала Мазепу. В октябре 1708 года Карл XII подошел к Полтаве, где находился русский гарнизон. 28 октября в ставку шведского короля прибыл Мазепа. Однако русские войска под командованием Меншикова захватили Батурии, ставку гетмана, и разорили его. 6 ноября в Глухове под давлением Петра I казацкая Рада избрала нового гетмана — И. И. Скоропадского, впрочем, как и Мазепа, бывшего ненадежным союзником русского царя.

С апреля 1709 года Карл XII начал активные действия по осаде Полтавы. 26 мая под Полтаву прибыл Шереметев с главной русской армией. 4 июня приехал Петр I.

Сначала в русской ставке решался вопрос только о снятии осады города, но затем царь решил дать генеральное сражение, которое состоялось 27 июня. После разгрома шведской армии Карл XII вместе с Мазепой бежал в пределы Османской империи — сначала в Очаков, а потом в Бендеры.

Полтавская битва в целом в историко-песенном фольклоре петровского времени занимает весьма скромное место. Полтава упоминается всего в нескольких сюжетах, известных в малочисленных вариантах: «Шереметьев в соборе» (№ 63–64), «Солдат гонят к Полтаве» (№ 65), «Молодец собирается под Полтаву» (№ 66), «Шведский король пытается захватить Полтаву» (№ 67), а также в некоторых вариантах сюжета «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора» (№ 76–79).²⁰ По-видимому, Полтавскую битву отражают песни на сюжет «Войска Шереметьева разбивают шведские полки» (№ 68–69), однако топоним в этих текстах отсутствует.

Непосредственные события под Полтавой находят место в сюжете «Шведский король пытается захватить Полтаву», где сказано об осаде города шведами:

Как во славной во степи во Черкасской,
Как под славным городом *Платавой*,
Как стоял тут король земли шведской.
Он почаству ко *Платаве* приступает,
Он приступом *Платаву* взять не может.
Во *Платаве* есть московская пехота

(ИП XVIII, № 67, ст. 1–6).

Шведские генералы доносят королю: «Как нам сколько под *Платавой* ни стояти, / А приступом *Платаву* не взяти!» (ИП XVIII, № 67, ст. 11–12). Король самоуверенно заявляет: «Мы возьмем ли *Платаву* мимоходом» (ИП XVIII, № 67, ст. 18); далее он обещает, что захватит все Московское государство, Москву, Кремль и Москворечье.

Полтава как место действия появляется и в отдельных вариантах сюжета «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора», где допрос пленного шведского майора связывают с Полтавской битвой. На варианте № 76, в котором в Полтавскую тему вторглась Красная Мыза, мы уже останавливались. Как и в песне «Шведский король пытается захватить Полтаву», Полтава получает эпитет «славная». После эпизода совещания в шведском штабе («Колько под городом ни стояти, / Нам Полтавы-города не взяти: / Во Полтаве есть московская пехота» — ИП XVIII, № 76, ст. 15–16) и вставки с Красной Мызой и допросом шведского пленника в песне разворачивается картина Полтавской битвы, причем, обратим внимание, песня широко использует солдатский слой лексики (баталья, снаряд, пушка, ружье, мушкет), только еще осваиваемый фольклорной традицией:

Подымалась *Полтавска баталья*.
Запалит шведская сила
Из большого снаряда, из пушки;
Запалит московская сила
Из мелкого ружья, из мушкета

(ИП XVIII, № 76, ст. 68–72).

Далее песня демонстрирует связь солдатского фольклора с предшествующей традицией: песня завершается топосом «битва — пашня», известным еще по Слову о полку Игореве.

Вариант № 77 сюжета «Князь Шереметьев допрашивает шведского майора» достаточно точно отражает детали событий 1708–1709 годов. Историко-песенный фоль-

²⁰ Анализ песен о Полтавской битве см. в названных выше монографии В. К. Соколовой и статье А. В. Позднеева.

клар запечатлевает новое направление действий Карла XII в Северной войне: шведский король «хочет качнуться на Рассеюшку, / То под славный город под *Полтаву*» (ИП XVIII, № 77, ст. 7–8). Песня почти точно называет дату Полтавского сражения: «Тысяча семьсот девятого года / Того было месяца июля» (ИП XVIII, № 77, ст. 1–2). Фольклорная традиция помнит о роли Мазепы в полтавских событиях: «Подкупил он (шведский король. — *Т. И.*) русского Мазепу» (ИП XVIII, № 77, ст. 9). Описывает приход под Полтаву армии Шереметева: «И по ней-то (по дороге. — *Т. И.*) шел-прошел боярин, / То Борис Петрович Шереметьев, / Со своими ли московскими полками» (ИП XVIII, № 77, ст. 23–25). Казаки поймали шведского майора, которого допрашивают о количестве войск противника («Пришло силы сорок тысяч» — ИП XVIII, № 77, ст. 36). И в самой последней строке песни опять появляется Полтава:

То гремели пушки ломовые <...>
От того-то король шведский ужаснулся,
От города *Полтавы* откатнулся

(ИП XVIII, № 77, ст. 39–43).

Помимо Полтавы в этом варианте есть еще одна географическая реалья — упоминается р. Ворскла, на которой стоит город. Согласно песне, шведские войска «дошли они до речки *Ворсклы*, / Стали через речку переправляться» (ИП XVIII, № 77, ст. 14–15).

Те же исторические реалии мы находим в варианте № 78: чуть неверная дата «Года было тысяча семьсот пятого / Во тех числах июня двадцать пятых» (ИП XVIII, № 78, ст. 1–2); решение шведского короля идти в Россию; подкупленный шведами Мазепа; приход под Полтаву («Платаву») русской армии Шереметева. В этом варианте, равно как и в тексте № 79, имя реки оказалось искаженным — *Морза* вместо *Ворскла*: «Подходят они (шведские войска. — *Т. И.*) ко речушке ко *Морзе*, / Стали речку *Морзу* переправляться» (ИП XVIII, № 78, ст. 13–14; см. также № 79, ст. 10).

События Полтавской битвы, таким образом, нашли место всего лишь в пяти текстах. Фанфарно-радостное звучание, как мы показали, в них отсутствует. В еще большей степени настроения тревоги мы находим в других песнях, где сама битва не получает освещение. В песне «Шереметьев в соборе» (№ 63–64) Шереметев рисуется в Москве на молитве в Успенском соборе; его «ретивое сердечко» щемит, так как царем

Указан путь — широкая дорожка
Под славной под город под *Полтаву*.
Как быть-то мне, боярину, убиту
Под славным под городом под *Полтавой*

(ИП XVIII, № 63, ст. 18–22;
см. также № 64, ст. 19–20).

Те же настроения тревоги и тоски мы находим и в песне «Солдат гонят к Полтаве»: «Да как погнали солдат до *Полтавы*» (ИП XVIII, № 65, ст. 4, 10), где «всем пропадати». «Не своей охотой», а под гнетом «службы государевой»

То солдатики во поход пошли,
Во поход пошли во *Полтавушку*,
Они бить-губить неприятеля,
Неприятеля — царя шведского

(ИП XVIII, № 66, ст. 16–19;
сюжет «Молодец собирается под Полтаву»).

Таким образом, мы можем отметить определенный диссонанс между историческим значением Полтавской битвы, ее трактовкой в историографии, с одной стороны, и ее освещением в историко-песенном фольклоре, с другой.

* * *

Завершая разговор об историческом пространстве, отраженном в песнях о Северной войне, подчеркнем: песни этого времени сосредоточены прежде всего на пространстве вновь присоединяемых земель; старинные русские территории и города остаются на периферии песенного пространства.

Употребление топонимов в историко-песенном фольклоре этого времени обусловлено жанровой разновидностью песен о Северной войне: это солдатские песни-хроники, запечатлевающие конкретные эпизоды военных действий. Отсюда стремление к конкретике исторического пространства.

В то же время, при всей опоре на историческую конкретику, песни постоянно сопрягаются с предшествующей традицией. Анализ топонимов — казалось бы, частной стороны историко-фольклорного текста — позволяет наглядно ощутить механизмы преемственности внутри традиции. Вновь создающиеся в XVIII веке песенные произведения корреспондируют не только с реальными событиями в истории (битвы и сражения), но и с самой традицией. Именно поэтому в одном топонимическом поле, т. е. в одном сюжете, одновременно уживаются *Балтийское море* и *Хвалынское* (Каспийское) море, *Нева* и *Волга*.

Историческая конкретика не исключает и топонимотворчества в исторических песнях. В историко-песенном фольклоре в спектре Невы появляются реки *Переправа*, *Перебрага*, *Небрага*. Псевдотопонимом, по нашему мнению, является *Красная Мыза*.

Историко-песенный фольклор позволяет наглядно ощутить, как в одном художественном пространстве сосуществуют старые и новые географические имена, обозначающие один и тот же локус (*Колывань* и *Ревель*, *Юрьев* и *Дерпт*, *Варяжское море* и *Балтийское море*).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-110-121

© А. С. Бодрова

К ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ И РЕЦЕПТИВНОЙ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ ПОЭМ А. С. ПУШКИНА: «<ВАДИМ>», «БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ» И ИХ РАННИЕ СПИСКИ*

В недавнее время — в разных филологических дисциплинах — возобновился интерес к теоретико-текстологическим вопросам, проблематизирующим принципиальные подходы к изучению рукописной традиции применительно к текстам и памятникам разных эпох. Осмыслению взаимоотношений между рецензионистскими, стемматическими подходами, которые ставят целью гипотетическую реконструкцию первоначального текста на основе анализа соотношения списков и общих ошибок, и «оптимистической» «новой филологией», с ее установками на выбор «лучшего источника» и учет равно значимых вариантов, посвящена содержательная статья М. В. Шумилина.¹ И хотя основной ее фокус — современное состояние дел в антиковедении и медиэвистике, по своей проблематике она выходит далеко за пределы ис-

* Автор выражает искреннюю признательность коллегам, участвовавшим в обсуждениях докладов на Эткиндовских (2012) и Гаспаровских чтениях (2021), легших в основу настоящей статьи, и консультировавшим меня по разным вопросам истории текста пушкинских поэм, — Т. А. Китаниной, Т. И. Краснобородько, Е. О. Ларионовой, Т. Н. Степанищевой. Особая благодарность — сотрудникам читального зала ОПИ ГИМ за помощь в работе с фондами архива.

¹ Шумилин М. В. Ошибка против варианта: «новая филология», латинистика и «плохой язык» // *Vox medii aevi*. 2020. Vol. 1–2 (6–7). С. 28–75.